

Эгиль ответил:

– Ты не должен, конунг, молчать в таких важных делах, потому что все здесь в стране, и свои и иноземцы, прислушиваются к вашим решениям. Я слышал, что вы установили законы и права для всех здесь в стране, и я знаю, что вы мне предоставите защиту закона, как и всем другим. Думается, я не уступаю Атли Короткому ни знатностью, ни силою рода здесь в стране. А о делах наших с конунгом Эйриком надо вам сказать, что я был у него, и мы расстались так, что он отпустил меня ехать с миром, куда я хочу. Я хотел бы, государь, предложить вам свою службу. Я знаю, ваши люди не окажутся храбрее меня, и я чувствую, что недолго ждать, пока вам придется столкнуться с конунгом Эйриком, если ваш возраст позволит вам дожидаться этого. Странно будет, я думаю, если тебе со временем не покажется, что у Гуннхильд слишком много сыновей.

Конунг говорит:

– Ты не станешь моим дружинником, Эгиль. Слишком широкую брешь твои родичи прорубили в нашем роде, чтоб тебе можно было оставаться здесь в стране. Поезжай-ка ты в Исландию и оставайся там на отцовской земле. Тогда не будет тебе никакого вреда от нашего рода. А здесь в стране всю твою жизнь, надо думать, наши родичи будут самыми могущественными. Но ради конунга Адальстейна, моего воспитателя, ты будешь иметь право жить здесь, и будут тебе закон и защита, потому что я знаю, что конунг Адальстейн очень любит тебя.

Эгиль поблагодарил конунга за его слова и просил, чтобы конунг дал ему свои верительные знаки к Торду в Аурланде или к другим своим лендрманам в Согне и Хардаланде. Конунг сказал, что он их ему даст.

LXIV

Закончив все свои дела, Торстейн и Эгиль пустились в путь. Они поехали назад, и когда они перебирались на юг через Доврафьялль, Эгиль сказал, что он хочет спуститься в Раумсдаль, а оттуда поехать дальше к югу проливами.

– Я хочу, – сказал он, – покончить с делами в Согне и Хардаланде, потому что мне надо снарядить мой корабль, чтобы летом отплыть в Исландию.

Торстейн сказал ему, чтобы он ехал, куда ему надо. Они расстались, и Торстейн поехал к югу, в Далир и дальше, пока не прибыл в свои владения. Там он предъявил управителям верительные знаки конунга и передал его распоряжение о возврате ему всего имущества, которое у него отняли и которого он добивался.

Эгиль поехал своей дорогой. С ним было одиннадцать человек. Они приехали в Раумсдаль, нашли себе там корабль и отправились на юг, в Мёри. Об их плавании до острова, который называется Хад, ничего не рассказывается. Они прибыли на остров Хад и отправились ночевать в двор под названием Блиндхейм. Это был богатый двор. Здесь жил лендрман по имени Фридгейр. Он был молод и недавно получил в наследство владения своего отца. Его мать звали Гюда. Она была сестрой херсира Аринбьярна. Это была женщина достойная и знатного рода. Она вела хозяйство вместе со своим сыном Фридгейром, и они жили очень богато. Эгиль и его спутники нашли тут радушный прием.

Вечером Эгиль сидел рядом с Фридгейром, а дальше сидели его товарищи. Там был большой пир с богатым угощением. Хозяйка заговорила с Эгилем. Она спросила об Аринбьярне, своем брате, и о других родных и друзьях своих, которые отправились с ним в Англию. Эгиль отвечал на ее вопросы. Потом она спросила, что случилось с ним в пути. Он рассказал ей подробно и сказал так:

*Безобразно гневен
Был страны хозяин.
Не поет кукушка,
Коршуна завидев.
Снова, как бывало,
Аринбьярн помог мне.
Руки дружбы крепкой
Не дают упасть нам.*

Вечером Эгиль был очень весел, но Фридгейр и все домашние были мало разговорчивы. Эгиль заметил там девушку, красивую и нарядную. Ему сказали, что это сестра Фридгейра. Девушка была